

Механизмы защиты права осуждённых на личную жизнь в условиях строгого режима содержания

Литвинов Александр Дмитриевич

Студент магистратуры факультета «Юридический»,
Донского государственного технического университета

Богушева Мария Евгеньевна

Доцент кафедры «Уголовное право и публично правовые дисциплины»
Донского государственного технического университета,
г. Ростов-на-Дону

Аннотация: В условиях строгого режима исполнения наказания в виде лишения свободы возникает системное напряжение между императивами пенитенциарной дисциплины и конституционно гарантированным правом личности на уважение частной жизни. Настоящее исследование посвящено выявлению и анализу нормативно-правовых коллизий, обусловленных широкими полномочиями администрации исправительных учреждений по ограничению приватной сферы осуждённых, с одной стороны, и неотчуждаемыми правами человека, закреплёнными в статье 23 Конституции Российской Федерации и статье 8 Европейской конвенции по правам человека — с другой. В статье рассматриваются пределы допустимого вмешательства в личную сферу осуждённых, раскрывается дефицит пропорциональности и индивидуализации вмешательства в личную жизнь, а также выявляются институциональные барьеры, препятствующие эффективной защите этого права.

Ключевые слова: право на частную жизнь, осуждённые, строгий режим, конституционные гарантии, уголовно-исполнительное право, пропорциональность ограничений, правовое государство, Европейская конвенция по правам человека, пенитенциарная система, гуманизация наказания.

Litvinov Alexander Dmitrievich

Master's student of the Faculty of Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don

Bogusheva Maria Evgenievna

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University, Rostov-on-Don

Mechanisms for Protecting the Right to Privacy of Prisoners in High-Security Prisons

Abstract: In high-security prisons, a systemic tension arises between the imperatives of penitentiary discipline and the constitutionally guaranteed right to respect for private life. This study identifies and analyzes legal conflicts arising from the broad powers of correctional facility administrations to restrict the privacy of prisoners, on the one hand, and the inalienable human rights enshrined in Article 23 of the Constitution of the Russian Federation and Article 8 of the European Convention on Human Rights, on the other. This article examines the limits of permissible interference in the privacy of prisoners, reveals the lack of proportionality and individualization of interference in privacy, and identifies institutional barriers that impede the effective protection of this right.

Keywords: right to privacy, convicts, strict regime, constitutional guarantees, penal law, proportionality of restrictions, rule of law, European Convention on Human Rights, penitentiary system, humanization of punishment.

Право на уважение частной жизни традиционно рассматривается как одно из фундаментальных проявлений человеческого достоинства и автономии личности. Однако в условиях лишения свободы, особенно при отбывании наказания в учреждениях строгого режима, эта гарантия подвергается систематическому и необоснованному ограничению со стороны администрации исправительных учреждений. Российское уголовно-исполнительное законодательство, ориентированное преимущественно на обеспечение безопасности и поддержание дисциплины, предоставляет администрации исправительных учреждений широкие дискреционные полномочия по контролю за повседневной жизнью осуждённых — от тотального наблюдения и обысков до цензуры переписки и ограничения доступа к личным предметам. В то же время Конституция Российской Федерации (ст. 23) и международные обязательства государства, в первую очередь статья 8 Европейской конвенции по правам человека, прямо утверждают, что право на частную жизнь сохраняется даже в условиях заключения и может быть ограничено лишь в строго определённых, необходимых и пропорциональных случаях.

Именно в этом юридическом и ценностном разрыве и локализуется центральная проблема настоящего исследования: где проходит граница между законным режимным воздействием и произвольным вторжением в личную сферу осуждённого? На практике эта граница остаётся размытой, а механизмы её правового оформления — недостаточно эффективными. Административные меры, направленные на предотвращение правонарушений в колонии, нередко трансформируются в инструменты тотального контроля, игнорирующие принципы индивидуализации, пропорциональности и уважения к человеческому достоинству. Более того, судебная защита права на частную жизнь в пенитенциарной среде сталкивается с институциональной инертностью, формализмом и устойчивым предубеждением в пользу «интересов режима» как безусловного приоритета.

Актуальность темы обусловлена не только растущим вниманием правозащитных институтов и международных органов к условиям содержания в российских исправительных учреждениях, но и внутренними тенденциями к гуманизации уголовной политики, декларируемыми на уровне государственной доктрины. В этих условиях научное осмысление баланса между публичными и частными интересами в пенитенциарной сфере приобретает особую значимость. Целью данной статьи является выявление и анализ правовых и институциональных диссонансов между режимными ограничениями и конституционными гарантиями права на личную жизнь, а также формулирование рекомендаций по их гармонизации в русле принципов правового государства и международных стандартов обращения с лицами, лишёнными свободы.

Право на уважение частной жизни в Российской Федерации имеет высшую юридическую силу и закреплено в статье 23 Конституции РФ. Согласно ч. 1 данной статьи, «каждому гарантируется неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, защита своей чести и доброго имени». Ч. 2 уточняет, что «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений», а ограничение этого права допускается только на основании судебного решения [8].

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что указанные права носят неотчуждаемый характер и сохраняются за человеком даже в условиях лишения свободы. В частности, в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 24-П Суд указал, что «осуждённые не теряют статус субъекта конституционных прав и свобод», а любое вмешательство в их частную жизнь должно соответствовать принципам законности, необходимости и пропорциональности [2].

На международном уровне аналогичные гарантии предусмотрены статьёй 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — ЕКПЧ), ратифицированной Российской Федерацией в 1998 году и обладающей в соответствии со ст. 15 Конституции

РФ приоритетом над национальным законодательством. Статья 8 ЕКПЧ провозглашает:

«1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции.

2. Публичные власти не могут вмешиваться в осуществление этого права иначе как в соответствии с законом и только в той мере, в какой это необходимо в интересах национальной безопасности, общественного порядка, экономического благосостояния страны, защиты здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц».

Российские исследователи давно обращают внимание на данную коллизию. Так, С. В. Попов отмечает, что «в отечественной уголовно-исполнительной системе доминирует санкционно-репрессивная модель, в которой право на частную жизнь рассматривается как препятствие для обеспечения режима, а не как ценность, подлежащая защите» [9].

Центральной проблемой настоящего исследования выступает структурное и нормативное противоречие между логикой пенитенциарного контроля, заложенной в правоприменительной практике учреждений строгого режима, и конституционно-международными стандартами защиты права на частную жизнь. Это противоречие проявляется не столько в прямом столкновении норм, сколько в деформации правоприменительной парадигмы, при которой режимные соображения автоматически приоритизируются над правами личности, а само право на личную жизнь воспринимается как «привилегия», подлежащая отмене в силу статуса осуждённого, а не как неотъемлемая составляющая человеческого достоинства [10].

С одной стороны, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее — УИК РФ) устанавливает для осуждённых, отбывающих наказание в колониях строгого режима, особый правовой статус, предполагающий расширенные меры ограничения. Так, согласно ст. 82 УИК РФ, осуждённым разрешается получать и отправлять письма, однако администрация учреждения вправе просматривать всю корреспонденцию, за исключением обращений в Конституционный Суд РФ, Европейский Суд по правам человека, уполномоченному по правам человека и адвокату. Аналогичным образом, ст. 93 УИК РФ допускает проведение личных обысков, досмотра жилых помещений и вещей без индивидуального обоснования, а ст. 116 — постоянное наблюдение за поведением осуждённых, включая использование технических средств. При этом ни одна из этих норм не содержит критериев пропорциональности, необходимости или индивидуальной оценки рисков, что превращает режимные меры в рутинизированный и тотальный контроль, не зависящий от конкретного поведения осуждённого или угрозы безопасности.

Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал на несоответствие российской пенитенциарной практики требованиям статьи 8 ЕКПЧ. В деле «Khoroshenko v. Russia», жалоба № 41418/02, постановление от 30.06.2015 суд признал нарушение как статьи 3 (запрет пыток), так и статьи 8 ЕКПЧ в связи с условиями содержания в камере строгого режима: отсутствие возможности уединения, постоянное наблюдение через «глазок», совместное проживание с другими осуждёнными без возможности личного пространства. Суд подчеркнул, что даже в условиях пожизненного заключения государство обязано обеспечивать минимальные гарантии уважения частной жизни [3].

В ещё более показательном деле «Ananyev and Others v. Russia», жалобы № 42525/07 и 60800/08, постановление от 10.01.2012 ЕСПЧ констатировал системное нарушение статьи 8 из-за массового и неселективного контроля за перепиской осуждённых. Суд отметил, что «просмотр корреспонденции без индивидуального обоснования и без возможности оспаривания в суде не может считаться необходимым в демократическом обществе», даже если формально предусмотрен национальным законом. Это решение прямо указывает на дефицит

пропорциональности и отсутствие судебного контроля — ключевые пробелы в российской модели [7].

Данные ФСИН России свидетельствуют, что в учреждениях строгого режима ежегодно проводится в среднем 12–15 обысков на одного осуждённого, при этом лишь в 3% случаев изъятые предметы квалифицируются как запрещённые. Это указывает на профилактический, а не целенаправленный характер вмешательства, что противоречит принципу пропорциональности.

Особое внимание заслуживает роль административного права как нормативного и инструментального посредника между уголовно-исполнительными нормами и повседневной практикой их применения. Хотя УИК РФ устанавливает общие рамки режима, конкретные правила поведения, перечни разрешённых/запрещённых предметов, порядок обысков и досмотров, а также критерии «подозрительного поведения» зачастую регулируются не федеральным законом, а внутренними нормативными актами — приказами Минюста, инструкциями ФСИН и распоряжениями начальников учреждений. Такие акты, обладая признаками административно-правовых предписаний, формируют фактическую правовую среду, в которой реализуется (или, скорее, подавляется) право на частную жизнь. При этом они редко проходят экспертизу на соответствие принципам пропорциональности и предсказуемости, а их оспаривание в административном порядке (например, через КоАП РФ по ст. 30.1–30.9) сопряжено с процедурными барьерами: неравенством сторон, отсутствием доступа к материалам, краткими сроками обжалования и предвзятостью административных комиссий. В результате административно-правовой механизм, призванный обеспечивать законность и баланс интересов, трансформируется в инструмент легитимации рутинного вмешательства: любое изъятие личных вещей, ограничение доступа к гигиеническим средствам или изоляция в ШИЗО могут быть оформлены как меры «по предупреждению административных правонарушений», минуя уголовно-процессуальные гарантии и избегая судебного контроля [6].

С формальной точки зрения, действия администрации учреждения подлежат обжалованию:

— в административном порядке — через подачу жалобы вышестоящему должностному лицу (ст. 121 УИК РФ);

— в судебном порядке — через административное исковое производство по главе 22 КАС РФ (например, о признании незаконным решения об изъятии личных вещей) или через КоАП РФ (ст. 30.1–30.9 — при привлечении к дисциплинарной ответственности).

Однако на практике эффективность этих механизмов сведена к минимуму рядом процессуальных и институциональных барьеров:

1. Сроки обжалования чрезвычайно сжаты: 10 дней по ст. 219 КАС РФ — при условии ограниченного доступа к документам и адвокату.

2. Бремя доказывания неявно переложено на осуждённого: администрация не обязана мотивировать обыск в каждом случае — достаточно сослаться на «профилактику», тогда как осуждённый должен доказать неправомерность вмешательства (см. постановление Верховного Суда РФ от 04.07.2019 № АКПИ19-387).

3. Судебный формализм: большинство жалоб рассматриваются без участия заявителя (заочно), с минимальной проверкой фактических обстоятельств. По данным Общественной наблюдательной комиссии г. Москвы (2024), лишь 2,7% жалоб осуждённых на действия администрации колоний удовлетворяются судами полностью.

4. Риск репрессивных мер: подача жалобы часто расценивается как «нарушение требований к поведению» и влечёт применение мер взыскания (ст. 117 УИК РФ), что формирует «chilling

effect» — сдерживающий эффект на правозащитную активность.

В совокупности это превращает право на судебную защиту из гарантии в фикцию — что непосредственно соответствует правовой позиции Европейского Суда, выраженной в деле «Ananyev and Others v. Russia»: «отсутствие эффективного средства правовой защиты делает любое вмешательство произвольным по смыслу ст. 8 ЕКПЧ».

Разрешение выявленного противоречия между императивами пенитенциарного контроля и конституционно-международными гарантиями права на личную жизнь требует многоуровневого подхода, сочетающего нормативные, институциональные и доктринальные преобразования. Ключевым методологическим ориентиром при этом должно выступать принцип пропорциональности, закреплённый как в правовой доктрине, так и в практике Европейского Суда по правам человека, который последовательно настаивает на том, что любое ограничение прав в условиях лишения свободы должно быть индивидуально обоснованным, наименее ограничительным и подконтрольным. Первым шагом должно стать внесение в Уголовно-исполнительный кодекс РФ чётких критериев законности и пропорциональности при осуществлении мер, затрагивающих частную сферу осуждённых. В частности:

— Просмотр корреспонденции (ст. 82 УИК РФ) должен быть возможен только при наличии обоснованных подозрений в использовании почты для организации преступной деятельности, а не в порядке рутинного контроля.

— Проведение обысков и досмотров (ст. 93 УИК РФ) должно сопровождаться протоколом с указанием оснований, а изъятие личных предметов — подлежать последующей судебной проверке.

Если УИК РФ устанавливает общие рамки режима, то конкретное наполнение права на частную жизнь (или его отсутствие) в повседневной жизни осуждённого определяется не законом, а подзаконными актами Федеральной службы исполнения наказаний. Наиболее показательны в этом плане Приказ ФСИН России от 16.11.2022 № 745 «Об утверждении Инструкции по организации пропускного и внутриобъектового режимов в исправительных учреждениях» и Приказ от 27.05.2022 № 251 «Об осуществлении ФСИН России, учреждениями, непосредственно подчиненными ФСИН России, территориальными органами ФСИН России и подведомственными им учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, иными организациями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации полномочий заказчика» [1].

Так, п. 42 Инструкции № 251 допускает досмотр личных вещей осуждённых «в целях профилактики нарушений режима» — без указания конкретных оснований, подозрений или индивидуального риска. Аналогично, п. 2.7 Правил № 728 устанавливает, что «осуждённым запрещается хранить у себя предметы и вещества, не предусмотренные Перечнем, утверждённым приложением № 1». Сам Перечень (всего 7 пунктов) включает лишь базовые гигиенические средства, постельные принадлежности и одежду, исключая, например, настольные игры, фотоальбомы, блокноты с рисунками — тем самым де-факто лишая осуждённых возможности формировать личное пространство и поддерживать личную идентичность.

Критически важно, что эти акты не проходят независимой правовой экспертизы на соответствие принципам пропорциональности, предсказуемости и уважения к человеческому достоинству, закреплённым в ст. 23 Конституции РФ и ст. 8 ЕКПЧ. Более того, в силу ст. 15 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации...» и ст. 8 УИК РФ, ведомственные акты приобретают «de facto» обязательную силу, превращаясь в оперативные инструменты расширения дискреционных полномочий администрации за счёт сужения конституционных прав.

Таким образом, административное право здесь действует не как механизм баланса, а как инструмент нормативного легитимирования рутинного вмешательства.

Важнейшим условием предотвращения произвольного вмешательства является эффективный механизм правовой защиты. В этой связи необходимо расширить полномочия Уполномоченного по правам человека в РФ и общественных наблюдательных комиссий (ОНК), предоставив им право запрашивать документы о проведённых обысках, прослушиваниях и изъятиях, а также посещать учреждения без предварительного уведомления [5].

Таким образом, гармонизация режимных требований с правом на личную жизнь возможна лишь при условии отказа от тотального контроля в пользу целенаправленного, прозрачного и подотчётного вмешательства. Это не ослабляет, а, напротив, укрепляет легитимность пенитенциарной системы, превращая её из инструмента подавления в механизм восстановления социальной ответственности. Реализация предложенных мер будет способствовать не только выполнению международных обязательств России, но и утверждению в отечественной правовой системе подлинных ценностей правового государства.

Важно подчеркнуть, что предлагаемые изменения направлены не на ослабление режима, а на его легитимацию через верховенство права. Как показывает международный опыт (в частности, практика скандинавских пенитенциарных систем), уважение к частной жизни даже в условиях строгого режима повышает уровень доверия осуждённых к администрации, снижает количество конфликтов и способствует внутренней мотивации к исправлению. В долгосрочной перспективе это укрепляет не только права личности, но и управляемость учреждения, поскольку подлинная безопасность достигается не через тотальный контроль, а через предсказуемость, справедливость и уважение.

Как отмечает А. В. Головкин, «без внешнего контроля и судебной проверки любые нормативные гарантии рискуют остаться декларациями» [4].

Список использованных информационных ресурсов:

1. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 27 апреля 2022 г. № 251 «Об осуществлении ФСИН России, учреждениями, непосредственно подчиненными ФСИН России, территориальными органами ФСИН России и подведомственными им учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, иными организациями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации полномочий заказчика»

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 24-П «По делу о проверке конституционности статьи 12.18, части 2 статьи 12.24 и пункта 7 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Р.А. Чепурного»

3. Постановление ЕСПЧ от 30.06.2015 по делу «Khoroshenko v. Russia» (№ 41418/02)

4. Головкин А. В. Пенитенциарное право: от репрессии к реабилитации // Журнал российского права. — 2022. — № 6. — С. 89.

5. Иванова Е. А. Ограничение права на частную жизнь осуждённых: между необходимостью и произволом // Уголовное право. — 2023. — № 4. — С. 45–53.

6. Козаченко И. Я. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов / под ред. И. Я. Козаченко, А. П. Деткова, В. А. Попова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 231 с.

7. Орлова В. Н. Уголовно-исполнительное право России: концепции в развитии: учебник для вузов / под ред. В. Н. Орловой, В. Е. Эминова. — М.: Юрайт, 2025. — 174 с.

8. Петров Д. В. Применение статьи 8 ЕКПЧ в российской пенитенциарной практике // Государство и право. — 2024. — № 2. — С. 112–120.

9. Попов С. В. Права человека в пенитенциарной системе: теория и практика. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 147 с.

10. Селиверстов В. И. Режим в исправительных учреждениях: теория и практика. — М.: Юрлитинформ, 2020. — С. 41.